

ПОСЛЕ РАЗГРОМА

Катя БЕРЕЗУЛЯ

18+

Катя Березуля
После Разгрома

«Автор»

2019

Березуля К.

После Разгрома / К. Березуля — «Автор», 2019

До катастрофы я работала массажистом, изучала китайские мануальные техники, вышла замуж... Теперь я - проводник по Землям Отчуждения и мать-одиночка, разыскивающая пропавшего без вести мужа. Кем же я стану завтра? Уникальным специалистом по камениям, что дарят Земли Отчуждения? Машиной для убийства, изолированной от общества? Или все-таки счастливой женой и матерью? Самой хотелось бы знать... Источник иллюстрации на обложке - нейросеть Midjourney.

© Березуля К., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Итоги первой пятилетки	5
Глава 2. Тепло семейного очага	9
Глава 3. Дело государственной важности	13
Глава 4. Ходочка	18
Глава 5. «Дружелюбная» фауна	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Катя Березуля

После Разгрома

Глава 1. Итоги первой пятилетки

Вика сидела за стойкой бара «Патриот». После удачной ходочки гонорар позволял кроме прочего побаловать себя бутылочкой «Крепыша», которую она растягивала часа на три. Своеобразному ритуалу было уже несколько лет, а сегодня в баре праздновали первый юбилей после Разгрома – мировой катастрофы, кардинально изменившей жизнь людей пять лет назад.

Посетители заводили доразгромный музыкальный аппарат, играли популярные хиты 2010-х и 1990-х... Видит бог, Вика могла бы подпевать, но настроение было не то. Она вообще не понимала этого веселого гомона, громкого смеха, флирта. Как можно делать вид, что все наладилось?

Стройная фигура Вики в камуфляже привлекала взгляды гостей. Присматриваясь, они обращали внимание на правильные черты лица, обрамленного рыжими волосами – Вика носила каре длиной чуть ниже подбородка, но «спотыкались» о чуть сдвинутые брови, придающие ее внешнему виду строгость и вызывающие настороженность у тех, кто размышлял о знакомстве.

– Красавица, потанцуем? – очередной мужчина, увидев симпатичное личико, смело подошел, но оробел, заметив значок проводника на кармане жакета. – Извини, – спешно ретировался.

Вика улыбнулась: баба-проводник – это вам не шутка. Проводников нельзя трогать, нельзя им надоедать, и лучше не рассматривать их в качестве любовных партнеров – мрут как мухи. Находятся отчаянные, конечно, желающие самоутвердиться, затеявая конфликт на пустом месте из серии «Есть курить?». И хоть любой проводник в состоянии самостоятельно навалить обидчику, часто его опережают другие – высок авторитет профессии. Пока в городе есть проводники, есть и военные заказы, есть спрос на камни из Земель отчуждения, а значит, есть кусок хлеба у горожан.

Вика не желала провокаций и лишнего внимания, она специально садилась в стороне, думала о своем и наблюдала за посетителями. После Разгрома все жили в тесноте – пригодные для жизни территории сократились, умерло меньше, чем спаслось, и все выжившие стремились в города с развитой некогда инфраструктурой. В «Патриоте», хоть это был и не самый популярный бар в округе, тоже всегда была толчея.

Многие Вику знали, но в соседней военной части периодически обновлялся состав, и сегодняшний выходной для новобранцев совпал с ее возвращением из ходочки.

Вика потягивала спиртное, посматривала на танцующих, некоторым ставила диагнозы. До Разгрома она предоставляла услуги массажа, чем и зарабатывала на жизнь. Уроки ей посчастливилось брать у китайского эмигранта Ли. После атомного удара Америки по Китаю из Поднебесной в Россию, как дружественную страну, хлынули многие китайцы. У Ли погибла семья, когда сам он пребывал в Тибете на конференции то ли целителей, то ли экстрасенсов. Он стал настоящим Учителем Вики, познакомившим ее с секретами человеческого организма, уникальными техниками массажа и не только. Все эти точки на теле, воздействие на которые могло усыпить или парализовать, Вике были знакомы. В теории она знала, на что «нажать», чтобы человек умер. Но Ли предостерегал от злой кармы, и Вика на всю жизнь запомнила его нравоучения. Клиентов у юной массажистки было много, Вика хорошо зарабатывала, отлично знала город, бывала в самых разных его уголках.

У этого – остеохондроз, у того – с желудком что-то, а девушка наверняка страдает от варикоза – мысленно оценивала здоровье танцующих Вика. Одного взгляда на движения тела было достаточно, чтобы понять его проблемы. Массаж остался в прошлом, но полученные знания не забывались.

Ли не прижился и незадолго до Разгрома уехал в Тибет постигать мудрость местных монахов. Вика не хотела думать, что начинающий стареть Ли уехал из-за нее. Учитель стал ее первым мужчиной. Ему около пятидесяти, ей двадцать. Уроки близости были волшебными и деликатными. Хотя Вика искренне любила своего учителя, Ли, как человек совестливый, нашел в себе силы прекратить эту связь. В итоге из четырех лет обучения только год – обучение кама-сутре, и Ли, оставив нежное послание своей подопечной, уехал просветляться дальше.

Вика всегда с нежностью и благодарностью вспоминала его. Она была уверена, что Ли здоровствует. Тибет, насколько она обладала информацией, не пострадал от Разгрома.

Так получилось, что несмотря на расставание, Вика не страдала. Успел Ли вложить в ее голову правильные психологические установки. Как-то сразу приняла его выбор, отпустила, и, кажется, уже на следующий день познакомилась с Андреем. Через полгода свадьба, а спустя еще полгода – Разгром.

Всеобщая паника, разруха, анархия, эвакуация из Земель поражения. Андрей, ушедший в то злосчастное утро катастрофы на работу, так и не вернулся. Сколько ни всматривалась помогающая бинтовать раненых и убирать трупы Вика в лица пострадавших, его не встретила.

Во всеобщей суете и унынии, которое охватило человечество, как гром среди ясного неба – беременность. Сначала паника, депрессия, страх... А потом – заветы Ли, ставшие почвой под ногами. «Спокойствие, главное – спокойствие», – как говаривал доразгромный мультипликационный персонаж.

Пришло время – родила самостоятельно, знания принципов работы тела помогли. Позднее недолго работала акушеркой. Но рожали в первые года после катастрофы мало, профессия не кормила. А кормить было кого – сестра спаслась, родители, и сын, Максим Андреевич.

Вика всегда улыбалась, когда думала о мальчишке. Внешне похожий на мужа, по характеру он удивительным образом напоминал Ли – сдержанный, рассудительный, скупой на эмоции. Что-то запретишь ему, никогда не ноет, не упрасивает – посмотрит так, не грустно, а скорее изучающе, даже строго как-то, и сразу переключается на что-то другое. Удивительный ребенок. Конечно, его развитию помогали Викины массажи, и болел он редко. Может, принцип телегонии существует, поэтому ребенок похож на первого полового партнера?

Вика вылила в стакан остатки напитка. После мыслей о Максимке сразу захотелось домой. Но ритуал – возвращение из того мира в этот – должен быть соблюден до конца. В этом, подозревала она, один из секретов ее профессионального долголетия. Три с половиной года для проводника, имеющего ходочки два-три раза в месяц – это намного выше нормы. Лично она знала проводника, который смог пробыть в профессии четыре года, потом поехал с катушек. А женские рекорды она давно побила, да и женщин в профессии были единицы.

Механизм «умирания» проводника оставался не ясен, как и механизм становления им. Сначала думали, что разгромленные земли – радиоактивны, но дозиметры молчали. Потом пришли к мысли, что в Землях отчуждения «фонит ментал», и выдерживают только психически сильные люди. Таковыми считались те, кто может обойтись без головных болей на территории Земель отчуждения в течение минимум трех суток. Почему-то могли не многие.

Вика еще сразу после катастрофы поражалась, когда наблюдала, как мучаются люди и спешно покидают территорию поражения, бегут, ползут к ближайшим границам, как стонут. Как часто меняются ее напарницы, помогающие с ранеными. Когда она подружилась с Натальей, женщиной лет 45, потерявшей всех родных, и призналась ей, что она здесь уже три месяца, та подняла ее на смех. Потом Вика стала замечать на себе пристальные взгляды представителей ВВ (временной власти) и решила уйти в другой район. Пока никто особо ни за кем

не следил, затеряться было нетрудно. Она в этой суеде и про беременность-то долго не догадывалась.

Сейчас, конечно, возникали тревожные мысли о возможных последствиях для ребенка, который провел в Землях отчуждения столько времени, хоть и в утробе матери. А с другой стороны, если верить официальным информационным листкам, Разгрому подверглось 30% территорий планеты. Если это формируется новая реальность со своими новыми условиями для проживания? И людям придется научиться жить на этих территориях. Пока большинству это не удастся, но, видимо, у Вики было что-то вроде иммунитета. Значит, и у сына он тоже должен быть.

Вика залпом допила «Крепыша», громко вернула стакан на стойку, как бы поставив жирную точку, завершая свои посиделки, и встала с места.

– Не торопись, родная.

Рядом стоял Спесь, хозяин бара. Выглядел он, как мелкий бандит из американских фильмов 90-х годов: достаточно крепкого телосложения, волосы с проседью собраны в малюсенький хвостик на затылке, джинсы, джинсовая безрукавка на голое тело. Он достаточно бесцеремонно спихнул сидящую на соседнем стуле блондинку, но та даже не собиралась возражать, и уселся. От Спеся пахло перегаром, выглядел он уставшим.

Вика вернулась на место. Интересно, что на этот раз? Замуж звал дважды, пытался напугать – тоже было, что теперь?

Спесь не торопился. Закурил, картинно выпустил струю дыма в сторону, вызвав у Вики мысленную улыбку. Попытка Спеся произвести на нее впечатление забавляла. Здоровый грубый мужик, весь в татуировках, пытался выглядеть, как заправский мачо. Но Вика, конечно, не была бесстрашной, несмотря на защиту социума. Исходящую от Спеся угрозу она чувствовала, но не показывала своих опасений.

– Как дела? – спросил он.

– Уже ухожу.

– Ну, что ты такая всегда ... неласковая? – Спесь положил свою ручищу на плечи Вики. Она демонстративно выпрямила спину, и Спесь, ухмыльнувшись, убрал руку.

Кое-кто из военных, расположившихся за ближайшим столиком, уже обсуждал ситуацию, видимо, намереваясь защитить проводника.

– О, церберы, – обвел их взглядом Спесь, развернувшись вполоборота к стойке бара. – Все нормально, мужики! – крикнул он им. – Отдыхайте!

Спесь показал специальный жест бармену, означающий угостить компанию, бармен принялся разливать напитки.

Манера Спеся вести разговоры раздражала. Всегда долго смотрит, долго думает, чему-то там себе на уме ухмыляется. Но Вика не раз наблюдала за такими разговорами со стороны – нетерпение собеседника забавляло Спеся. А она не хотела доставлять ему удовольствие, поэтому сидела спокойно, сохраняя внешнее безразличие.

– Ты не задумываешься, что каждая ходочка может стать последней? – спросил он наконец.

– Возможно, – ответила Вика, еще не понимая, к чему он клонит.

– А у тебя сын. Хочешь его сиротой оставить?

Вика промолчала. Многолетняя школа Ли, собственные долговременные практики контроля за эмоциями не всегда спасали Вику, когда речь заходила о сыне. Злость моментально закипала внутри при первых намеках об угрозе родному ребенку, а она себя знала: в моменты искренней злости берегов, что называется, не видела. Сделав глубокий вдох, удостоила Спеся полным презрения взглядом и ждала, что скажет дальше. Можно было разжечь ссору, бросить ему в лицо оскорбления, спросив, не себя ли он прочит в отцы, сказав, что лучше сиротой,

чем с таким папашей, но ладно... Разговор рано или поздно закончится, и она пойдет домой, к дорогому сердцу Максимке.

– Мы оба знаем, что не сегодня – так завтра. Я обосновался здесь два года назад, ты уже работала.

– Хватит предисловий, – процедила Вика.

Спесь затушил сигарету и наклонился поближе.

– Появился новый скупщик. Готов брать у тебя камушки по двойной цене.

Скупка камней частными лицами строго наказывалась. Военные платили неплохую сумму, которая, увеличившись вдвое, выглядела очень заманчиво. Ну, и Спесь не бесплатно это делает, то есть скупщик платит, как минимум, втрое дороже...

– Как ты себе представляешь? – зашептала в ответ Вика. – Спрятать нереально.

– Реально спрятать там, потом вернуться.

– Одной?

Спесь пожал плечами.

– Подстрахуем.

– Слишком рискованно, – Вика встала, взяла свой рюкзак.

Спесь придержал за руку.

– Подумай, Вика. Проводник-долгожитель подозрителен не только для простого люда.

Да и вообще...

Спесь тоже поднялся с места.

– Когда ты на ходочке, кто присмотрит за твоими родными?

Вика уставилась на Спесья, опасаясь, что она правильно поняла этот посыл: у нее нет выбора.

– Подумай. Лучше же сотрудничать на взаимовыгодных условиях.

И Спесь пошел брататься к военным, которых угощал за счет заведения.

Глава 2. Тепло семейного очага

На улице было темно и сыро – моросил дождь. Тусклые фонари давали минимум света, но проводники хорошо ориентируются в темноте. Лужи обходить было незачем, добытые когда-то ботинки из свиной кожи на толстой «тракторной» подошве надежно защищали от влаги. Вика шла домой, иногда пошатываясь и наслаждаясь этим ощущением сознательной потери контроля над собственным телом. Это было компенсацией за ходочку, ведь в Землях пребываешь в постоянном напряжении.

Вскоре Вика вышла на «финишную прямую». До пятиэтажки, где она жила, оставалось пройти через не освещенную детскую площадку. Вика задержалась у качели, немного посомневавшись, уселась на нее, не обращая внимание на мокрую поверхность сидения, и стала раскачиваться. Хотелось немного подуматься.

В сравнении со многими другими дела Вики и ее родных шли неплохо. У них всегда была еда, приличный уровень комфорта. Однако при наличии средств можно было улучшить жилищные условия. После Разгрома жить стали, как в коммунальных квартирах еще Советской России, и привыкать к этому было тяжело. Вика до катастрофы успела заработать на просторную двушку, после которой жить в квартире, имеющей чуть больше 40 квадратных метров, реально напрягало. Тем более с мамой, папой, сестрой, годовалым племянником. И по сравнению с ситуацией у других, они были в шоколаде.

Мысль ускользала, не об этом хотела подумать Вика. Тихий скрип качели вводил в транс... «Кто будет заботиться о моих, когда я в ходочке?» – вот оно, искомое. Спесь, сука! Зародил тревогу... Может, замочить его? Идея из области пьяного бреда, но Вика проделала мысленно всю последовательность работы пальцами, которая привела бы Спесю к смерти. Внутри похолодело, стало неприятно и маленько жалко его. Мужу, который мнит себя местным царьком, умереть от рук слабой женщины. Женщина, может, и слабая, да руки сильные.

«Так, ладно, – Вика искала выход, жить с тревогой на сердце ей не хотелось, – если не крайнее средство, то что? Можно было бы сдать его своему официальному скупщику, но если окажется, что скупщик Спеся – тоже военный? Еще это может быть проверкой. Хотя, на кой черт? Все хотят камней ради бабла, и никто толком не знает, что в них ценного».

Вика тяжело вздохнула. Вишенкой на торте «последходочных» размышлений были мысли об Андрее. И в этот раз никакой новой информации о нем не появилось, никаких следов не нашлось.

Она всегда считала себя умной, а после общения с Ли – и мудрой, но Андрюха мог одной незатейливой фразой навести порядок в ее голове, «шугануть всех тараканов», как шутили они. И сейчас бы подсказал что-то дельное, будь он рядом. А вот и слезы.

Вика прислонила лоб к холодному мокрому металлу качели. Это наследие советских времен может пережить не один Разгром. Сколько уцелевших качелей попадалось ей в Землях отчуждения...

Андрей делал ей предложение под дождем именно на детской площадке. Встал на одно колено, волосы мокрыми сосульками прилипли к лицу, полные губы что-то говорили – Вика не помнила точно. Помнила, что смотрела в его глаза, и не верила, что ее так сильно могут любить. После нежного, но сдержанного и временами прохладного Ли, Андрей обжигал ее своей страстью. «Я найду тебя, живого или мертвого. А пока не найду – не будет мне покоя», – вот мантра Вики образца последней пятилетки. Драма нешуточная, иронизировала она над собой, сюжет для индийского кино. Муж пропал, может, зажил новой жизнью, с новой женщиной. Все может быть. Но он должен знать – Вика обязана ему сообщить – что у него есть сын.

– Так и знала, что это ты!

Вика вздрогнула. Наверное, она задремала и не заметила, как подошла Ленка. Сестра рассматривала Вику с интересом.

– Ты что – плачешь?

– С чего бы? – поторопилась возразить та, придав голосу небывалую бодрость. – Не видишь, дождь идет?

Вика в знак приветствия сжала Ленкину ладонь, та улыбнулась.

Пора было идти домой.

Со стороны Вики было, возможно, не очень вежливо не торопиться домой после недели отсутствия. Ведь семья тоже понимала, что для проводника с таким стажем любая ходочка может стать последней. Поэтому и выглядывали, видать, в окна весь вечер, караулили. Но Вике нужен был перерыв, примиряющий тот мир с этим и позволяющий превращаться из насто-роженного следопыта в любящую дочь, сестру и мать. Сейчас ей предложат любимого чая с имбирем и медом, сестра, если малой спит, сядет напротив и будет присматриваться и при-слушиваться, желая убедиться, что Вика в порядке, умом не тронулась. Потом Вика пойдет ополоснуться, а мама с Леной перекинутся своими замечаниями и, довольные, что все благо-получно, уйдут спать. И все это под громкий папкин храп, хорошо слышимый в любом уголке квартирки, если не всего многоэтажного дома.

К черту все, думала Вика, стоя под душем. Вода смывала усталость и тревоги. Чистая, теплая, уже почти домашняя, Вика скользнула под одеяло, нагретое Максимкой. Он, как все-гда, спал с открытым ртом, такой любимый, такой беззащитный. Вика обняла его, вдохнула запах волос, поцеловала в лоб. «Мамочка пришла», – пролепетал сквозь сон Максимка и поло-жил свою руку ей на шею. Засопел дальше. Вскоре уснула и сама, и видела во сне любимый сюжет – будто домой возвращается Андрюха и знакомится с Максимкой.

Наутро предстояли бытовые хлопоты. На семейном совете распределяли траты – на про-дукты, на коммуналку, на вещи, на посылку Ленкиному мужу, служившему в ста километрах от дома. Обязательно отложить на Максимкин счет. С недавних пор Вика незаметно выкраи-вала и на племяша Димку. Неважно, сколько там успеет накопиться, но к 18-летию получит подарок от тетки, живой или мертвой.

Вике предстояло провести пару недель в семейном раю – общаясь с Максимкой. В хоро-шую погоду они много гуляли. В плохую – сидели дома, ходили на домовые мультфильмы. В каждой многоэтажке было помещение для культурно-просветительских целей. Там работал телевизор, жильцы по расписанию приглашались на новостные сообщения, на тематические передачи – записи прошлых лет, реже – современные, посвященные обустройству быта после Разгрома. Раз в день показывали какой-то фильм для взрослой аудитории, а дважды в день – мультфильмы. Было свое эфирное время и у церквей, собиравших нынче самую большую аудиторию.

Страх перед Разгромом, хоть и случившимся несколько лет назад, сохранялся. Рели-гия позволяла смиряться, притупляла страдания. Ведь многие, потеряв родных, до сих пор не могли прийти в себя. Религия и объясняла случившееся божьей карой. Сколько лет люди жили во грехе? Погрязли в потребительстве, разрушили экологию, расплодили толерантность в самых неприглядных ее проявлениях, легализовали однополые браки... За многое вправе был взыскать господь бог с людей, мог бы и утопить всю цивилизацию, как уже было однажды, но оставил человечество жить – не иначе как для искупления грехов. Стройная логика привле-кала народ, попавший в ситуацию информационного голода и нуждающийся в объяснениях.

Но чего было однозначно больше, чем церквей, – белых домов, пристанищ для умали-шенных. На них все граждане платили отдельный налог – два процента с дохода. Возвращение человека к здравому уму – стало задачей посерьезней изучения Разгрома, хотя эти два явле-

ния можно было смело рассматривать как причину и следствие одного и того же. Кто знает, возможно, один из этих домов станет пристанищем Вики рано или поздно...

На следующее утро, нацеловавшись и набесившись с Максимкой, до семейного совета Вика совершала пробежку как раз мимо одного из таких домов, именуемого в районе бело-синим, получившим такое название из-за окраски стен барачков. Пациенты прогуливались по огражденной колючей проволокой территории, Вика бежала по дорожке, когда поймала на себя взгляд Угрюмыча – проводника-рекордсмена с 4-летним стажем. Надо же, только ночью про него вспоминала, сидя в баре. Вика перешла на шаг и остановилась напротив Сергея, таково было его имя, тяжело дыша. Тот стоял, не сводя с нее глаз, положив ладони на узелки колючей проволоки. Вика невольно поморщилась, увидев кровь, тонкой струйкой стекающую по запястьям.

– Привет, Сергей. Как ты? Не знала, что тебя сюда перевели.

– Привет, Вика, – ответил Угрюмыч – так его стали звать уже после потери профпригодности. Ответил, как абсолютно нормальный человек. Вика уставилась на него с любопытством.

– Принеси камушек, – попросил Угрюмыч.

Вика опешила. Кажется, на слово «камушек» обернулись санитары, стоявшие ближе остальных к забору. Они переглянулись, один направился к Вике и Угрюмычу. Тот как будто почувствовал – обернулся, плюнул с досады.

– Камушки – интересные, – громким шепотом затараторил Угрюмыч, – если б сразу понял, не им бы таскал, а себе-себе в подвал-подвал, тяжело их вместе-то. Один бы камушек, Вика-Виктория.

Угрюмыч громко засмеялся и от былой «нормальности», что померещилась Вике ранее, не осталось и следа. Бывший проводник посмотрел на свои ладони, провел ими по щекам, измазав их кровью, и, не переставая смеяться, отошел от забора к корпусу, а подошедший санитар спросил Вику:

– О чем базарил?

– О погоде, – сказала Вика и побежала дальше, думая, может, правда, принести Сереге камушек. Когда-то он давал ей много дельных советов по ориентирам в Землях отчуждения, даже и выпивали с ним, бывало. Жаль Серегу.

После пробежки Вика позанималась немного на турниках, когда-то оборудованных в парке, – хорошая физическая форма необходима проводнику, и хотела бежать обратно, но заметила, как из ближайших кустов вышли двое мужчин в военной форме и направились в ее сторону.

Любопытство быстро сменилось настороженностью – крепкие ребята явно по ее душу. Раньше она их не видела, стало быть, могут не знать о ее почетном социальном статусе – значок остался дома, иммунитета нет. Бежать было стремно, и напряжение сменилось каким-то озорством. Вика повела плечами и направилась к мужчинам, усиленно шевеля пальцами – разминая свое главное оружие и вспоминая основы рукопашной схватки, о которых также успела узнать у Ли. Но такой практики было в ее жизни маловато...

Мужчины переглянулись – девка не убежала. Ухмыльнулись и, ничего не говоря, набросились на Викторию. Та едва успела выставить вперед руки, но первый нападающий грубо их оттолкнул и ударил кулаком в ухо, а второй ногой заехал в живот, попав в солнечное сплетение. Упав на четвереньки, Вика ловила ртом воздух и пропустила очередной удар – кажется, кулаком по голове.

С этого момента чувства Вики разделились и стали ощущаться двумя параллелями. Тело испытывало боль и дискомфорт, пыталось оградить себя от очередных прямых попаданий, каким-то чудом успевая сместить траекторию надвигающегося на лицо ботинка, изогнуться, не попав под кулак. Разум в это время хладнокровно оценивал ситуацию: «Так, спокойно, – командовала себе мысленно Вика, – способность дышать возвращается, дышим ровно. Драка уже

идет». Еще несколько ловких и не очень уверток, бить в ответ даже не пыталась, но караулила шею врага в зоне видимости – и наконец достала! Точечно указательным пальцем недалеко от кадыка и тут же большим и указательным второй руки надавила сбоку и резко отпрыгнула, развернувшись лицом ко второму. За тыл не переживала – первый свалился, обездвиженный, часа на три минимум.

«Сейчас этот маленько встревожится, возможно, будет держаться подальше, – продолжала работать мысль, – но дело надо завершать, много ушло сил». Вика замахнулась ногой – нога была тут же схвачена «в плен» – все по плану. Убедившись в том, что хватка крепкая, она свободной ногой засадила сбоку по ребру. Удар получился болезненный, ее ногу нападающий отпустил, но вместо того, чтобы отскочить, Вика рванула вперед и повторила манипуляции с шеей противника – тот также свалился на землю.

Наконец можно было отдышаться. Вика наклонилась, облокотившись руками на колени, приходила в себя.

Тут из кустов послышались жидкие аплодисменты вперемешку с громким смехом – вышла крупная женщина в военной форме, за ней двое – военный и штатский. Женщину Вика знала.

– Надя, какого хера? – Вика пока не пришла в себя после случившегося. Трудно было пережить такое вне Земель отчуждения, здесь все-таки живешь в режиме расслабона.

Надя приобняла Вику и потрепала ее немного.

– Долго, что ли, спать будут? – она нагнулась к одному из лежащих и нащупала пульс на шее. – Спасибо, что не убила. Эти, – Надя показала на сопровождающих ее мужчин, – в тебе сомневались, так и знай.

И Надя снова огласила округу звонким смехом.

Вика, делая вид, что ей пока тяжело дышать, усиленно шевелила мозгами. Чьи проделки? Спесь подстроил? При чем тут Надя? Она – скупщик? Или кто-то из этих двоих?

Вика начинала злиться. Хоть с Надей у нее были вполне приветливые отношения, и та не раз подкидывала ей ценную информацию накануне ходочек, а также помогала искать Андрюху, Вика готова была отправить ее вслед за этими двумя.

– Ты объяснишь мне, что происходит?

Мужчины осматривали лежащих, тихо друг с другом переговариваясь. Надя закурила, прищурившись, рассматривая Вику. Вика не отвела взгляда.

– Ну мне, что ли, озвучивать деловое предложение? – выдохнула Надя клубы дыма в сторону совещающихся о чем-то мужчин.

– Виктория Евгеньевна, – подошел ближе и обратился к Вике мужчина в штатском, – пожалуй, вы нам подойдете. Есть важное дело государственного значения.

– А у нас что-то осталось от государства? – захотелось побрыкаться Вике, уже понявшей, что и от этого предложения она никак не сможет отказаться.

Болезненная патриотка Надя выплюнула сигарету и сурово попросила:

– Мать, давай без скандалов.

Вика смерила ее недовольным взглядом, но та ей неожиданно подмигнула, и Вика расслабилась.

– Ну что еще за дело?

Глава 3. Дело государственной важности

На словах все было подозрительно просто – в отдаленной части Земель отчуждения, примерно в тридцати километрах от границы, работала военно-научная лаборатория, изучающая камни в зоне их образования. До недавнего времени ее работа держалась в строжайшем секрете. Теперь был необходим личный контакт с руководством группы, и Вика должна провести бригаду из семи военных до пункта назначения.

Вике представили всех членов команды: шестерых мужчин, Надя была седьмой. С одной стороны, присутствие женщины успокаивало Вику, с другой, не нравился ей взгляд Надежды в последнее время. Только сказанная ей информация о том, что предположительно в лаборатории, куда предстоит отправиться, работает Андрей, немного вдохновляла Вику. Но не может это быть дезой, придуманной ради мотивации проводника? За столько лет работы Виктории не доводилось бывать в той части Земель, хотя о лаборатории она слышала и даже об оставшихся в Землях поселениях с людьми. Но каждый выход санкционировался военными, и они патрулировали Земли, поэтому самостоятельные отклонения от маршрута удавались не часто.

Если случалось у Вики предположение, что где-то она сможет найти информацию об Андрее, и пункт назначения заказчика находился рядом, то Вика изыскивала способ завернуть по своей надобности. Она хорошо истоптала Земли, изучила почти все оставшиеся целыми строения, но следов Андрея не было. Вика подумывала о том, чтобы получить заказ в отдаленной части Земель, постоянно мониторил объявления, и тут случай подвернулся.

Оставался риск, что Надины данные могут оказаться дезинформацией, придуманной, чтобы проводник имел личную заинтересованность в мероприятии. Столько лет Вика пристаёт к Надежде с просьбами поиска сведений, сколько раз Надя слила ей ценные крохи информации, которые помогли вернуться из ходочки здоровой и живой? Конечно, Вика в долгу не оставалась. Хоть военным и полагалось больше, чем простым смертным, но их количество в обществе приближалось уже к 30 процентам – времена такие. Поскольку проводников было намного меньше, а хороших проводников, как Вика, – единицы, то Вике удавалось получить то, чего не доставалось никому. Это были не предметы первой необходимости, но приятные вещи – косметика и духи, контактные линзы, кожаные изделия – кошельки, ремни, сумки. У Нади было две взрослых дочери и трехлетний внук, для них она и старалась. А мужем Нади мог себя считать каждый второй военной части, где она служила... Кстати, этот факт тоже немного тревожил Вику. Не превратит ли Надежда ходочку в публичный дом? Бурные страсти в Землях, где сама природа ополчилась против человека, только мешают работе.

Операция была срочная, и на сборы Вике дали всего пару дней. Это также беспокоило – проводник должен отдыхать больше, качественная пауза между ходочками продлевала ему профессиональную жизнь. Но реалии диктовали свои условия, и Виктория тщательно планировала свое свободное время, чтобы и с сыном пообщаться, и к ходочке максимально подготовиться. Условия в Землях требовали особой подготовки, и речь шла не о материальных вещах...

Природа произошедшей катастрофы людям была неизвестна. Слухи ходили разные. Первая версия – о радиоактивном поражении – не подтвердилась, когда по прошествии времени люди, выбравшиеся из зоны поражения живыми, ничем не заболели. Причиной смерти всех жертв катастрофы стали механические факторы – люди попадали под рушащиеся здания, падающие деревья, неуправляемую технику. Поговаривали о климатическом оружии, и долгое время эта версия была основной. Странный эффект был у климатического оружия – в Землях отчуждения всегда стояла осень, как будто погода законсервировалась, и вот уже пять лет там царил прохладное бабье лето. Ковер из желто-красной листвы на земле обновлялся раз в две-три недели, периодически моросил дождь, а раз или два в неделю бушевала не свойствен-

ная для этого времени года гроза. Застывшая «унылая пора», которая так радовала Пушкина, могла бы стать его безлимитной музой, случись это двести лет назад.

Вика в первое время ломала голову над вопросом, откуда берутся желтые листья, если никогда не бывает зеленых? Похоже, каким-то образом листья сразу вырастали желтыми, красными, даже сухими, чтобы опасть и дать место новой листве.

Самым губительным для человечества оказалось не изменение привычной географической картины и вынужденное переселение с родных мест, и даже не ограничение ресурсов (топлива, например, достать было очень сложно, и автомобили остались у военных и предпринимателей, занимающихся снабжением, перевозками). Главной трагедией, которую, впрочем, особо верующие преподносили как долгожданное благо человечества, – стало исчезновение доступного интернета. Пока люди приходили в себя от всеобщего горя и отчаянно привыкали жить по-новому, строить другое общество, изменять законы с ориентацией на неведомые ранее реалии, военные, сразу захватившие власть, провели ряд законов о недопустимости свободного интернета. То, что у власти встали военные, лично Вика считала логичным. Кому еще рулить в затянувшейся ситуации чрезвычайного происшествия? Но отсутствие интернета делало жизнь обывателя трудной, лишая свободного общения, доступа к информации, знакомства с свидетельствами очевидцев и, что особенно было болезненно для Вики, поиска нужных людей. Интернет оставался для ведомств, больниц, многофункциональных центров, но никаких личных имэйлов, социальных сетей и сайтов больше не существовало. Любые попытки несанкционированного выхода в сеть практически моментально отслеживались и жестко пресекались.

Отсутствие доступного интернета сделало невозможным понимание общей картины катастрофы. Долгое время думали, что нападение случилось только на Россию, и эти предположения лежали в основе первых регулярных радиопередач, которые были запущены в эфир военными для гражданского населения. И хотя оставались люди, разбирающиеся в технологиях, умеющие каким-то непостижимым для Викиного мозга образом подключиться к мировой сети, верить транслируемой ими информацией решались не все. Да Вика и сама не сказала бы наверняка, что было правдой, что – нет, но внутренние чувства иногда подсказывали ей, какая информация правдива. Бывало, когда она слышит про что-то интересное, спросит себя: правда или нет, а тело отвечает. Если кольнет что-то в правой руке – правда, если в левой – ложь. На близких проверяла: работает. Вычислила сестру, которая втихаря подкармливала своего любимого, когда продукты доставались очень тяжело. «Ребенка объедаешь!», – упрекала мать, переживая за новорожденного Максимку. Вике тогда было важно понять – любит сестра своего избранника, или так, гормоны играют. И именно она настояла, чтобы та привела его домой. Родители смирились не сразу – какие мужья, 16 лет девчонке. Но так было лучше для всех, да и муж сестры оказался человеком надежным. Немного побыл на иждивении, затем сориентировался, стал добытчиком не хуже Вики одно время. А год назад ушел на обязательную службу, оставив сестру в приятных хлопотах о новорожденном.

Когда Вика приняла эту свою способность, она попробовала тестировать новую информацию. Безотказно работало это Викино свойство только при прямом общении. Если, допустим, человек, передавший информацию, ушел, и Вика спрашивала не его, а себя саму, правда, мол, то тело либо молчало, либо отвечало слабо. Как будто был необходим какой-то коммуникативный симбиоз, помогающий Викиным рецепторам узнавать истину и сигнализировать о ней хозяйке. Часто во время разговора она просто забывала задать такой вопрос, а бывало, что слушает собеседника, а про себя уже спрашивает, а собеседник при этом наблюдает остекленевший взгляд и какую-то заторможенность – пугается, и коммуникативная связь прекращается. Не разобралась до конца Вика с этим своим полезным свойством или механизмом – как тут скажешь правильно? Не умела еще грамотно пользоваться, но поняла точно: если тело ответило, то сто процентов так и есть. Единственным подвохом тут был следующий. Человек мог искреннее верить в информацию, которая могла быть не верной, ошибочной, но Вике тело

отвечало, что человек говорит правду. Поэтому имело смысл пользоваться этим инструментом, только общаясь с осведомленными людьми.

Судя по имеющейся информации, в Землях действительно работала военная группа, действительно изучала камни, но это пока все, в чем убедилась Вика. А узнавать больше можно было бы, если б собеседник отвечал. Надя говорила, что большего сказать не может, иногда говорила, что большего не знает – тело Вики твердило: вранье. Но если Надя и знает больше, и сказать ей не запрещалось, то почему нужно скрывать от Вики? Задача была не из легких, Вика держала ее в уме, чтобы при всех возможных ситуациях выуживать частицы истины и складывать искомый пазл.

До многих бытовых вещей после Разгрома приходилось заново доходить своим умом, и повезло семьям, в которых уцелели представители старшего поколения. Почти всех 70-летних стариков оперативно пристроили на службу военные. Ходили слухи, что с их помощью составляются полезные каталоги по ведению домашнего хозяйства, по производству бумаги, по другим вопросам, в которых разбирались выжившие специалисты, оставшиеся в более менее хорошей физической форме и здравом уме. Семидесятилетний человек мог рассказать историю государства из первых уст за последние лет 50, охватив и советские реалии, описав переходный период 1990-х, появление и бурное развитие информационных технологий. Подрастало первое постразгромное поколение – ровесники сына Вики, и необходимо было подумать об их образовании. У Максима Вика, как могла, пыталась сформировать правильное, на ее взгляд, мировоззрение, основу которого заложил, конечно, Ли.

Учитель был мудр и делился этой мудростью со своей ученицей. Зиждилась она на восточной философии, предполагала существование кармы – в первую очередь как ответственности за свои поступки. Карма не исключала неожиданностей. Так можно было бы не косячить – и жить спокойно. Но никто не знал, чего там могла натворить Вика в прошлых жизнях. Поэтому «хорошее поведение» обеспечивало более-менее спокойный быт, а в плане поворотов судьбы траектория жизни оставалась непредсказуемой. Опять же, следует пояснить, что вера в карму не исключает ответственности за происходящее в жизни. Пассивность не обеспечит личного развития, и ожидать, что во всех твоих ситуациях разберется судьба, не приходится. Скажем, обсчитали тебя в магазине на три копейки, и тебе не жалко, думаешь, бог ему судья. Такой подход не пройдет – если ты своим смирением говоришь этому миру, что готова терпеть обман, мир говорит: «Окей, давай дальше». Обманы случаются чаще и в больших масштабах – а почему нет, если ты не против? Поэтому против несправедливости надо высказываться в любом случае, даже если три копейки не сделают погоды. Вика не молчала, в спорах вела себя сдержанно и уверенно, со временем Вселенная перестала ее проверять на бытовую прочность, и в этом плане у Вики все было ровно.

За всеми приготовлениями, какой-то суетой, Вика чувствовала, как будто что-то упускает. И вспомнила, когда увидела на углу магазина, откуда вышла, купив круп и макаронных изделий с большим запасом, курившего Спеся. Заметив ее, он позвал Вику кивком головы. Пока подходила, пыталась понять – а что она решила насчет нелегальных камней? И тут же напомнила о себе тревога. Вика инстинктивно повернула голову – нашла глазами Максима на детской площадке возле магазина, и отвернулась, поздно поняв, что выдала все свои мамские страхи с потрохами. Теперь ей казалось, что Спесь довольно улыбается.

Он сплюнул, бросил окурок на землю и придавил кроссовкой.

– Что-то не заходишь, Викусь?

И смотрит.

Вика подошла ближе, встала напротив, медленно поставила пакет с продуктами на землю, не упуская из поля зрения Спеся. Распрямилась, сложила руки на груди.

– Когда ходочка? – Спесь прищурился. Наверняка он в курсе дел.

– Скоро, – коротко ответила Вика и ждала дальше.

Не уверена, что правильно прочитала промелькнувшие на лице Спеся эмоции, но видит бог, ей показалось, что Спесю понравился этот лаконичный и не очень определенный ответ. Пару секунд он смотрел на нее не как на партнера, а как на женщину, которую он когда-то звал замуж.

Наверное, Спесь был гордым. После двух отказов он прекратил попытки сблизиться и заменил ухаживания на подколки.

– Что ты надумала? – вдруг спросил он резко.

– Надумала. Но не в этот раз.

Спесь молча ждал пояснений.

– Надо присмотреться с новой точки зрения, все прикинуть.

На самом деле, Вика хотела отсрочки. Эти военные со своими задачами, как из одного места на лыжах, тут Спесь еще со своими угрозами. Надо что-то придумать определенно.

Спесь снова закурил. Вообще как-то странно он себя вел. Где нагловатая самоуверенность, откуда это интеллигентное спокойствие? Спесь потер подбородок рукой. Раздался довольный визг Максимки, и Спесь посмотрел в его сторону.

– Только теперь начал замечать, как мало детей вокруг, – сказал он.

– Слушай, не начинай. – Вика восприняла это по-своему и вмиг обозлилась. Пальцы чесались надавить ему куда-нибудь, чтоб упал и больше не поднялся.

Вика подняла пакет и направилась прочь.

– Викусь, – позвал Спесь.

Вика не среагировала.

– Вика! – Спесь повторил, Вика обернулась и кивком головы спросила «Что?».

– С твоим сыном все будет в порядке при любом раскладе, поняла? – Спесь выплюнул сигарету и скрылся за магазином.

«Правда?» – мысленно спросила она спину Спеся, и то ли почувствовала, то ли ей очень хотелось почувствовать, как в правой руке слабо кольнуло.

Спесь давно ушел, а Вика продолжала стоять. Почему его слова так ее поразили? Она ощутила, как моментально выросла фигура Спеся в ее глазах. Она поняла, что выполнит его просьбу – ведь он только что сказал ей, что обеспечит защиту сына, будет присматривать за ним после того, как... как случится с ней профнепригодность, и будет она жить в белом доме. Глубокая благодарность переполняла ее сердце, стало немного стыдно за то снисхождение, которое она чувствовала к нему в минуты неуклюжих признаний в любви.

Вика медленно побрела к Максимке, он подбежал к ней, взялся за руку, довольный, по-детски счастливый, и начал щебетать про голубей, про облака на небе, задавать бесконечные вопросы обо всем, что попадалось на глаза, – в общем, делать все то, что делают здоровые четырехлетние мальчишки.

Вещи в ходочку были собраны, мама успела приготовить домашнюю наливочку. Не сильно крепкий алкогольный напиток помогал Виктории в Землях. Остальные ходоки предпочитали употреблять самогон. Совсем без алкоголя, как показала пятилетняя практика визитов зон поражения, шансов сохранить здравый ум было мало. Поле, существовавшее в Землях отчуждения, формировало у людей особенный эмоциональный настрой. К концу первого дня пребывания на территории поражения падало настроение, глубокая депрессия развивалась в течение двух-трех дней, на пятый-шестой день следовало ожидать суицидальных мыслей, которые частенько к седьмому дню реализовывались. Часто ходочка больше недели не длилась, но умеренное употребление алкоголя продлевало время проведения в Землях. Личный рекорд Вики составил три недели, это при том, что первое время после Разгрома она могла находиться на территории поражения намного дольше. Однако, как для себя определила Вика, да и многие были согласны с ее предположениями, Разгром – это только начало, и за столько лет атмосфера в Землях уплотнилась, стала более тяжелой. Если в первый год после катастрофы проводники

уходили на территорию работать практически вахтовым методом – два месяца там, один дома, то с годами срок пребывания сокращался. Это было странно, ведь человек наоборот должен привыкать к среде и противостоять ей, но в данном случае происходило обратное явление. Вика считала, что человек остается прежним, но среда Земли отчуждения изменяется, прогрессирует, уплотняется, и касается это какого-то биоинформационного поля, которое влияет прежде всего на мозг, а затем уже на физику тела.

Существовало предположение, что после нескольких лет отдыха сошедшие с ума проводники возвращались в нормальное состояние, но лично Вика не могла бы привести ни одного подобного примера.

За годы, проведенные в ходочках, Вика опытным путем определила, что для ее организма мамина наливочка – оптимальная поддержка в Землях. Знала, на какой день сколько употребить. А главным в Землях оставалось правило уважения к природе. Она там реально была живой. Если наклониться к растению, можно было услышать, как оно дышит. Идешь мимо леса, и чувствуешь, как он всматривается в тебя, мимо реки – слышишь, как та тебе шепчет что-то о твоей жизни. Неудивительно, что многие сходили с ума. Но было достаточно и ужасных нелогичных смертей. Как-то Патлатый, ее давний знакомый, прозванный так за богатую шевелюру, перебрал с алкоголем и в состоянии пьяного пофигизма ломал ветки с живых деревьев для костра. Наутро его нашли буквально вмонтированным в ствол дерева, еле узнали. Его руки были распяты – из пальцев росли ветки, на концах которых можно было разглядеть человеческие ногти... Вике приходилось проходить мимо того дерева – его теперь называли Патлатым деревом, потому что вперемежку с желтыми листьями на нем росли седые волосы... И под деревом стелился обычный для этих мест ковер из листьев с эксклюзивными добавками – седовласыми «ворсинками». Патлатое дерево предпочитали обходить стороной, как и некоторые другие достопримечательности.

Пожалуй, самое неприятное в Землях – попасть в грозу. Холодно, мокро – и очень страшно. Какие только звуки ни мерещились в такие периоды. По рассказам остальных – Вике почему-то ничего не мерещилось. В такую погоду надо было найти укрытие и переждать. Зато именно после грозы, как грибы после дождя, появляются камни. В лесах, или возле луж, у реки. Камни следовало набирать в мешки с удлиненной веревкой, а потом волочить за собой на расстоянии 3-4 метров. Не очень удобно, но иначе – белый дом сразу по возвращению обеспечен. Чем-то фонили камни, они были частичками Земли отчуждения и, ходило поверье, сильно могли навредить человеку (его биополю, уточняла для себя Вика). Военные хранили камни в погребах, перевозили на длинных прицепах с соблюдением всех правил санитарной безопасности. При этом кратковременный контакт с ними был безболезненным, иначе собирать их было бы невозможно. А через короткое время после грозы не собранные камни растворялись, потому что именно контакт с человеком стабилизировал их материальность. Если бы не это свойство, камни можно было бы собирать постоянно по всей территории.

Вика немного грустно вздохнула, затянув походный рюкзак. Максимка уже сопел, было поздно, буквально через пять часов, на рассвете, ей предстояло отправляться. Весь вечер из головы не выходили слова Спеся. И почему-то впервые Вика подумала, что предстоящая ходочка станет последней попыткой найти Андрея. Она еще молодая, крепкая женщина, вполне может встретить достойного мужчину и родить еще детей. Как та, которая всегда росла с отцом, она понимала, как много теряет Максимка. И, наверное, давно пора было думать о нем, а не о себе, видите ли, верной жене декабриста... «Вернусь живая, выйду замуж за Спеся, откроем подпольный бизнес по перепродаже камней и заживем», – иронично резюмировала Вика, сама себе посмеялась и поставила будильник на четыре часа утра. Перед ходочкой необходимо было помедитировать, настроиться на Земли, попроситься к ним, пообещать не нанести вреда. Кто бы что ни говорил, после Разгрома Земли поражения стали живыми, в этом у Вики сомнений не было никаких. И пока ей удавалось жить с ними дружно.

Глава 4. Ходочка

Вика проснулась за час до будильника, и поняла, что больше не уснет. Глянула на спящего Максимку, поправила его одеяло и встала. Немного размялась, помедитировала, настроила себя на благополучный поход. Остаток времени покачала пресс, постояла в планке, поотжималась, поподтягивалась на турнике, что был закреплен над дверью. После – приняла душ, перекусила, сделала остальные необходимые дела, и за пять минут до оговоренного времени услышала за окном шум двигателя армейского джипа.

Проснулись сказать добрые слова в путь мама и сестра, отец был в ночную смену.

Вика нацепила значок проводника на жакет защитного цвета, во внутренний карман спрятала заламинированную фотографию Максимки, потуже зашнуровала свои раритетные походные ботинки и вышла. У подъезда стоял джип, модернизированный таким образом, чтобы вмещать 8 человек. Рядом курили трое – Надя и двое молодых. Рыжий парень открыл для Вики дверь в среднюю часть салона, она уселась рядом с белобрысым очкариком, на коленях у которого стояла аптечка. «Врач», – поняла Вика, «Виталий», – шепотом представился он, Вика кивнула. С противоположной стороны на сиденье взгромоздилась Надежда, ловкая и энергичная, хоть и занимающая много места – очкарик придвинулся ближе к Вике, их бедра теперь соприкасались. «До чего крепкая баба», – в который раз подумала про Надю Вика и сравнила ее со своей невысокой шуплой матерью, наверное, Надиной ровесницей.

– Ну что- погнали, мать? – выдохнула дымом в салон Надя, как будто нельзя этого было сделать на улице. Вика кашлянула. – Так, народ! Быстренько всех представлю.

Водитель и его сосед повернулись к женщинам и Виталию. Водителем был мужик лет 50, с проседью на висках, усталого вида. Называть его по имени Надя не стала – водитель и водитель. Вика «споткнулась» об его взгляд – какой-то цепкий, внимательный. Непроизвольно глянула на руки, чуть позднее поняла, зачем, – слишком нежные руки для водителя. Кожа белая, на ладонях не видать мозолей, хотя одно место на правой руке как будто стертая – ну, конечно, следы натертостей легко объяснились, когда Вика мысленно вложила в руку водителя пистолет. Обрадовалась и огорчилась одновременно. Обрадовалась, потому что ходочка еще только начиналась, а мозги молотили исправно – подмечались детали, шла аналитика, это вселяло уверенность. Огорчилась, потому что «вечер переставал быть томным», и экспедиция их, как минимум, с двойным дном. Иначе зачем под видом водителя прятать наверняка опытного военного?

Второй был сдержан и суров. Назвался Иваном Николаевичем, любезно разрешил звать просто Иваном. Ивану было на вид больше шестидесяти, на плечах пальто красовались погоны нового образца (дизайн сменился после Разгрома), и судя по ним, человек был с большими регалиями.

На третьем ряду сидений расположились трое молодых – рыжего звали Витя, пареньку было лет 18, он явно шел в Земли впервые в своей жизни. Вика поморщилась, представив, как скоро его предвкушение приключений и азарт сменятся брезгливостью и глубокой апатией. Второй и третий были постарше. Одному симпатичному сержанту с русыми волосами лет двадцать пять, второму – брюнету – лет 35. Снова обошлись без имен – Рыжий, Сержант и Брюнет, определились так. Брюнет показался Вике очень подозрительным, а Сержант излишне привлекательным. Лишь бы не отвлекаться от дела, наблюдая, как соблазнительно под формой напрягаются его мышцы. Не наблюдая, Вика!

Вика решительно отвернулась от троицы, сидевшей сзади, дав понять, что процедура знакомства окончена.

– Нашего проводника зовут Вика, – резюмировала Надя. – К проводнику не приставать (короткий выразительный взгляд на Сержанта), проводнику не хамить, выполнять все, что говорит. На период нахождения в Землях Вика – главная.

Вика сложила руки на груди и устроилась в кресле поудобнее. Поездка до Земель займет пару часов, успеет подремать. Словив цепкий взгляд водителя в зеркале обзора, Вика закрыла глаза.

Ехали, как она и предполагала, более полутора часов. Вике удалось задремать, но уже у первого кордона сон прошел. Машину пропустили быстро, документы Вики даже не спрашивали. У второго кордона Вика, увидев знакомого пограничника Сергея, вышла. Удалось пошептаться.

– Вика, ты что это с военными связалась?

– Нынче все с ними связаны, так или иначе – чему удивляться?

– Прежде всего такому количеству... Держу пари, в багажнике полно оружия.

– Это почему?

– В шестом квадрате на прошлой неделе заваруха была с черными, потом вывозили трупы. Но, говорят, черных не всех уничтожили.

Да, Вика припоминала звук стрельбы – это было на последних километрах к выходу, когда она возвращалась в прошлый раз.

– Каменья всем нужны, – медленно сказала она, сопоставляя новую информацию с обозначенным планом маршрута. Как-то не стыковалось – в команде, как минимум, две слабые единицы – Рыжий и очкарик, «таких не берут в космонавты», если затевается заварушка с черными – нелегальными добытчиками каменьев. С другой стороны, команда нужна была сильная – иначе зачем бы ее проверяли?

Поймав на себе внимательный взгляд водителя, Вика попрощалась с Сергеем и села в машину. Впереди последний кордон, где им предстоит оставить автомобиль и отправиться на территорию, пострадавшую от Разгрома. Техника на территории Земель почему-то часто ломалась. Относительно надежными были велосипеды, но предпочтение отдавалась пешим походам.

Вход в Земли представлял собой ворота в заборе из нескольких рядов колючей проволоки. Здесь, пока еще по эту сторону, отчетливо было видно, что в Землях – пасмурно.

Вика подняла глаза к небу и залюбовалась на привычную, но продолжавшую оставаться необъяснимой для нее картиной: плотные тучи в Землях не выходили за границы ограждения, как будто выше колючей проволоки ограждение продолжалось невидимой стеной. Когда подъезжали, уже был заметен толстый слой облаков, «отрезанный» ровно с боков. Они жались к невидимым глазам границам. Когда в Землях шел дождь, капли стекали перед ограждением, как будто по стеклу с той стороны. Можно было протянуть руку и взять эту капельку пальцами.

Водитель парковал джип, остальные собирались у входа, разбирая свои рюкзаки и спальные мешки. Иван Николаевич развернул карту Земель и уточнял маршрут – мимо, кстати, шестого квадрата, через кладбища и промзону предстояло добраться до лаборатории, основанной в бывшей больнице. По прямой это было бы километров пятнадцать, но по прямой не получится. При хорошем раскладе дойдут за день, сутки-двое на переговоры и понимание ситуации, день – обратный ход. Прибавим пару дней на каменья – гроза в Землях бывает с регулярностью двух раз в неделю, они ее не минуют.

Вот все встали в шеренгу, с рюкзаками за плечами, и смотрели на Вику. Виктория смотрела на Земли. Ну что ж, пора. «Обычная ходочка, – заключила Вика, – доведу и приведу, неплохой гонорар получу, Спеся, если получится, каменьями порадую. Нормальный расклад». Вика кивнула сама себе и развернулась к группе.

– А теперь внимательно послушаем инструктаж, – Вика подошла ближе к группе. Ее взгляд стал строгим, голос – резковатым. Перемена в ней произошла резкая – из тихой спо-

койной и даже флегматичной девушки перед группой стояла, вытянутая по струнке, строгая молодая женщина с острым взглядом, нацеленным прямо в душу. Не все были готовы к такой перемене, Рыжий хохотнул, и тут же получил подзатыльник от стоящей рядом Нади. Вика подошла вплотную к Рыжему и уставилась на него в упор.

– Ну и чего мне от тебя ожидать? – Она сверлила его глазами, Рыжий потупил взор. – Глупый, молодой и... рыжий.

Вика постояла еще, посмотрела на веснучатый нос, редкие усики над губой, разглядела шрам над бровью. Рыжий, кажется, собрался с силами и поднял глаза. Игра в гляделки закончилась вничью.

– Но вроде бы не безнадежен, – заключила Вика: Рыжий смотрел открыто, в глазах читалось некоторое раскаяние и готовность исправиться. Она немного отошла, чтобы лучше всех видеть. По очереди взглянула каждому в лицо – ничего подозрительного не уловила.

– Услышьте меня все, пожалуйста, – обратилась она к группе, – главное, что вам нужно понять в Землях: уважение к природе. Запомните: она – живая. Это не эпитет, не цитата из азбуки Гринписа, это нормальная реальность для Земель отчуждения. Не ищите в этой установке скрытого смысла, все просто: природа тут живая, нельзя ее обижать. Неважно, верите ли вы в это, допускает ваш мозг это или нет, просто действуйте так, как будто это правда. И тогда у нас с вами не будет никаких проблем.

Группа как будто бы слушала внимательно.

– Там, – Вика махнула рукой, – я на стороне природы. Мне плевать на ваши слабости, вашу невоспитанность. Имейте в виду – только с уважением к окружающему миру, неважно травка ли это под ногами или насекомое на паутинке в заброшенном доме. Думайте, прежде чем что-то сделать и даже что-то сказать. Особенно это касается тех, кто в Землях впервые. – Вика снова посмотрела на Рыжего. Этот парень точно новичок. За ним надо следить особенно – молод, неопытен и мужского пола.

– Иван Николаевич, я предполагаю, что наш поход не должен занять более четырех дней. Я прошу сообщить мне откровенно, если есть какие-то факты, которые могут помешать благоприятному исходу нашего мероприятия.

Ага – Надя переглянулась с Сержантом, остальные задумались, а вот Водитель и мускулом не повел, что тоже подозрительно. Излишне старается не отвечивать – ну-ну. Что ж, если и ждать какой подляны – прежде всего от Водителя. А Наденьку надо будет разговорить при случае...

Члены группы по очереди посетили кардонный туалет и отправились к проходу. Пришлось дергать за рукав Рыжего, который с открытым ртом наблюдал за тучами наверху, не выходящими за границу Земель. Но кроме любопытства на лице Рыжего промелькнул страх, это также следовало запомнить.

Глава 5. «Дружелюбная» фауна

Группа вошла в Земли. Моросил мелкий дождь, дул ветер, вокруг все было серо и уныло, как поздней осенью. Создавалось впечатление, что вот-вот пойдет снег, так могло и случиться. Вика поехала, но доставать из рюкзака толстовку не стала: знала, что минут через десять ходьбы тело разогреется. Она шла первой, регулярно оглядываясь. Рядом, не отставая, семенил Виталий. Он суетливо вертел головой и постоянно шепотом спрашивал что-нибудь у Вики, напоминая своим любопытством Максимку. Вика, в очередной раз оценивая обстановку позади, улыбнулась, вспомнив сына, в этот момент ее взгляд перехватил Сержант и тепло улыбнулся в ответ.

Вика отвернулась, смущенная, расстегнула верхнюю пуговицу жакета – становилось жарко. Шли уже минут сорок, у Виталия начиналась одышка.

– Я слышал, что тут всегда осень, это правда? – задал он тысячный вопрос и тут же, тысячный раз не получив ответа, продолжил: – Вроде, и Луны никогда не бывает, вот бы посмотреть.

Вика всматривалась вдаль, скоро должна была показаться развилка. Можно было свернуть налево, и тогда придется идти мимо кладбища. В радиусе пятнадцати километров два кладбища. Ближайшее – мимо которого думала пойти Вика, спокойное и самое обычное. Если идти по нему, то можно было максимум расслышать шепот кладбищенских растений, который полифонией тихих голосов разносился равномерным унылым гулом, а потом еще долго звучал в голове, замолкая только после выхода из Земель. Второе, мимо которого, как надеялась Вика идти не придется, было Выворотным кладбищем. Удар стихии пришелся по нему – и территория кладбища превратилась в какой-то извращенный Стоухендж, с гробами, стоящими вертикально или друг на друге буквами «Т», «П» и так далее. Там, как повезет, – откуда-то торчали наполовину истлевшие кости, свисая, зацепившись за что-то. Наверное, в доразгромные времена это можно было бы назвать суперкреативной инсталляцией, но сегодня мимо Выворотного кладбища лучше не ходить. Взгляд невольно созерцает «городки» из гробов, и ум слагает образовавшиеся фигуры в буквы и слова. Если долго блуждать по кладбищу, можно прочесть длинные пророчества, а потом стать частью этой самой инсталляции, превратившись в один из трупов. Только вот гробом никто не снабдит. Так и придется истлевать на пороге у какой-то буквы «П», возле которой, забыв про воду и еду, блуждаешь неделю, потом ползаешь, и наконец, когда сил совсем не остается, засыпаешь, шевеля губами – повторяя прочитанные в лабиринтах гробов тексты. Жутковатое место, но далеко не единственное из Земельных достопримечательностей.

Поворот направо сулил удлинение пути километров на пять, а Вике очень хотелось сделать работу побыстрее. Поэтому, завидев развилку, она уже знала, что поворачивать надо налево.

– Интересно, а кто протаптыкает эти все тропинки, ведь народу не много ходит, – уже не надеясь на ответы, спрашивал Виталий. – И, наверное, было бы неплохо поставить указатели, как-то разметить территорию...

Шли все молча, кроме Виталия, и Вика поймала себя на слабой тревоге: что-то было не так. Она подняла вверх правую руку, что означало всем остановиться, и повернулась к группе. Нужно посмотреть в лицо каждому, чтобы понять, от кого идет угроза. Водитель с Иваном Николаевичем в порядке, Надя с Сержантом на своей волне, все с ними нормально, Брюнет какой-то тихий, испуганный даже. Замыкает Рыжий.

– Витя! – позвала Вика.

Рыжий смотрел в сторону, медленно повернул голову к Вике. В глазах – тоска, сочащаяся унынием.

Вика ругнулась.

– Что случилось? – подал голос Иван Николаевич.

– Где его спиртное? – Вика кивнула Наде, а сама взялась за плечи Рыжего. Надя, подбежав сзади к Рыжему, полезла в его рюкзак.

– Вить, о чем задумался? – Вика пыталась выудить у Рыжего хоть слово. Мальчик оказался слабее, чем производил впечатление. Прошло всего больше часа, а душевная организация срезонировала с окружающей средой неожиданно быстро. Нужно просто принять на грудь. Надя уже открывала бутылку «Столичной», Сержант держал пластиковый стаканчик. Рядом хлопал глазами Брюнет.

– А что это у него такой странный взгляд? – Виталий продлил рекорд молчания на целых полторы минуты. – Надо же, как будто бездна в глазах.

Надя протянула Рыжему стакан с напитком, Рыжий среагировал неожиданно агрессивно и выбил стакан из рук Нади, тот упал на цветок, растущий у тропинки, щедро полив его. Цветок тут же почернел, скукожился и разлетелся черной пылью. Вика покачала головой. Она очередной раз неприятно удивилась своей непроницательности – больше никаких ошибок. Она как будто легко тронула Рыжего чуть выше локтей, надавив едва заметно на какие-то точки, и руки Рыжего повисли двумя плетями. Надя уже налила второй стакан, а Сержант держал в руке бутерброд.

Вика взяла из рук Нади стакан, второй рукой большим и указательным пальцем надавила под челюстью, и влила содержимое в раскрывшийся рот Рыжего. По его глазам читалось удивление и рассеянность. Небольшое воздействие на те же точки рук, и наступило обратное действие. Рыжий согнул руки в локтях, проверил работу кистей и пальцев, вздохнул с облегчением.

– Ну и фокусы, – выдохнул он.

Надя, тревожно косясь на Вику, протянула Рыжему очередную порцию спиртного. Взял сам, жажнул, схватил бутерброд из рук Сержанта. Немножко поперхнулся, и откашлявшись, поблагодарил. Вика расслабилась – Рыжий вернулся.

– Надо же, моментальное преобразование, – Виталий поправил очки на переносице. – Интересно...

– Может, заткнешься уже? – одновременно спросили Виталия Надя и Рыжий. И все заулыбались. Виталий смутился, но тоже улыбался.

– Раз такое дело, предлагаю всем жажнуть, – предложила Вика. – Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Никто не заставил себя упрашивать, все молча достали свои запасы и приложились: кто интеллигентно, налив в кружку, кто из фляжки, а кто, как и Вика, прямо из горла сделал пару глотков. Крякнули, закусили, пошли дальше. На развилке свернули налево, направились в сторону кладбища, от которого Вика предполагала повернуть напрямиком в промзону.

Немного разошлись тучи и стих ветер, группа шла под неярким солнцем. Вереница из восьми теней двигалась по луговым жухлым травам. Вдали показалось кладбище, дорога шла мимо него, а потом можно было удобно повернуть в промзону – место, где до Разгрома размещались производственные предприятия преимущественно химической переработки. Вика чувствовала себя бодрой и полной сил, группа шла молча, даже Виталий. Правда, Иван Николаевич и Брюнет шумно дышали – должно быть, устали, впрочем, можно было остановиться на перекус.

Недалеко от входа на кладбище как раз располагалось более-менее обустроенное местечко для привала – сколоченный из деревянных досок стол и две лавки по бокам. А немного поодаль скосбоченный туалет, и Вика всем настоятельно рекомендовала при необходимости воспользоваться именно туалетом, потому что травка может обидеться на физиологические нужды человека и больно отхлестать по голой попе.

Большинство решило, что Вика так шутит, но проверять не стали, в туалет, так в туалет. Между тем Надя успела разложить кое-какие продукты на столе, достала бутылку водки. Они с Сержантом продолжали обмениваться определенными взглядами и улыбками, похожими на флирт. Рыжий немного зевал, но взгляд был здоровым. А вот Водитель становился угрюмым, но спиртная доза профилактики вот-вот будет принята, и Вика надеялась, что опасаться за него не придется. Человек с такими навыками, какими обладал по ее предположению Водитель, потеряв адекватность, мог стать для всех особенно опасным.

За столом всех разморило. Вика почувствовала убаюкивающее действие маминой наливки, остальные, наоборот, разгорячились, что-то жарко обсуждали.

– Нет, ну ты видел эти тучи, как будто бутерброд разрезали ножом, и вся высокая начинка... – втирал Рыжий Виталию.

– Интересно, ведь мы имеем дело с каким-то видом поля, а никакой литературы, ничего такого... – двое новичков нашли друг друга.

Кажется, Вика на секунду задремала, но этой секунды хватило, чтобы случиться беде...

Как рассказали позднее остальные, со стороны кладбища к полевому столу приближался крупный белый кот. Первым его заметил Брюнет и побежал гладить. Странная реакция для 35-летнего мужика, но Вика сразу поняла, что перед ней маменькин сынок, который наверняка ничем обременен не был, а после Разгрома пошел в армию ради легкого заработка. Хотя нет, за 5 лет армия бы воспитала в нем мужика. За какие навыки его взяли в группу, Вика пока не поняла. Приходила на ум только одна версия: в качестве расходного материала.

Кот поначалу не возражал, но потом Брюнет неловко наступил ему на хвост, и мохнатый представитель местной фауны вмиг превратился из доброго пушистика в агрессивного животного. Он утробно рычал и бросался на Брюнета, это и разбудило Вику. Остальные предпочитали глазеть на неравную схватку, не ощущая опасности от столь милого животного. Вика мигом пришла в себя и рванула к Брюнету, царапины которого уже сочились кровью.

Изловчившись, Вика схватила кота за шкуру и на вытянутой руке держала на безопасном расстоянии. Тот какое-то время брыкался, потом угомонился. «Прости, пожалуйста», – мысленно повторяла Вика, пристально глядя в вертикальные зрачки взбунтовавшегося животного. На всякий случай, она надавила пальцами недалеко от артерии, и кот обмяк. Вика аккуратно уложила его в траву и повернулась к испуганному Брюнету.

– Какого хера? Об этом не предупреждали, – ныл тот. Рядом вертелся Виталий, обрабатывая царапины перекисью водорода. Брюнет морщился, но поддавался, Виталий деловито и оперативно делал свое дело.

Вика больше была в досаде на себя, чем на Брюнета. Неужели проходит ее пора, и она теряет хватку? Как можно было вырубиться, сидя за столом, когда ты отвечаешь за столько людей? Поэтому она только и сказала:

– Поторапливаемся.

Обнаружилось, что в схватке с котом пострадал стратегический запас Брюнета (он не снял рюкзак, бутылки разбились), это было неприемлемо. Решили сделать крюк через «На самолете» – забегаловку, которую держал бывший военный, приторговывавший спиртным и другими полезными продуктами и вещами. Забегаловка была устроена в салоне самолета на территории бывшего аэродрома. Город был небольшим, самолеты летали редко, и одному не повезло оказаться здесь в момент Разгрома. Теперь он служил для других целей.

До него дошли более менее спокойно под смешки Нади, которая явно вышла за лимиты лечебной дозы. Пару раз Вика оглядывалась, чтобы бросить в сторону Надежды строгий взгляд, но эффекта не было. Надя и Сержант усиленно старались отстать, и Вике пришлось обратиться к ней напрямую с просьбой держаться вместе. «Да не завидуй, мать, придет и твое время», – подмигнула Вике Надя, чем только разозлила. Сержант смотрел на Вику с ласковой улыбкой.

На огромном поле бывшего аэродрома сквозь потрескавшееся асфальтовое покрытие активно лезла жухлая трава. Ветер гонял целые кучи перекасти-поля, которые издали казались живыми. Впрочем, почему казались? Вопреки направлению ветра с появлением Викиной группы перекасти-поле «стаями» стало накатывать на людей. Поначалу это забавляло, но потом члены экспедиции напряглись, вертели головой по сторонам, старались прикрыться рюкзаками от наскакивающей травы. Вику эти игры чрезвычайно развеселили – видимо, рвалось наружу небольшое испытанное ранее напряжение. Надя материлась, недовольная, что трава цеплялась за одежду и волосы. Но, странное дело, перекасти-поле не трогало Брюнета, а Вика встречала такое игнорирующее поведение местной природы только в том случае, когда человек был обречен на смерть.

– Эй, притормози, – обратилась она к Брюнету. Тот как-то заметно сконфузился и что-то на груди прикрыл рукой.

Вика бесцеремонно отвела его руку в сторону – на груди красовалось ярко-красное пятно. Виталий крикнул и полез в аптечку. Вика растегнула одежду, Брюнет стоял спокойно, покорно опустив руки. Из-под рукава одной из них заструилась кровь. На теле Брюнета все увидели огромные воспаленные царапины, сочившиеся кровью. Пока остальные охали и причитали, а Виталий пытался стереть кровь, пропитывая раны каким-то дезраствором, Вика ругала себя за второй прокол. Что-то в этот раз явно идет не так. Почему она лично не осмотрела раны спустя несколько минут? Это за периметром кошачьи царапины мигом заживают, но здесь даже укус комара может превратиться в огромных размеров гнойную язву, которая пройдет только за границами Земель, если пострадавший успеет выбраться.

– Дело плохо, нужно возвращаться, – негромко сказала Вика.

– Исключено! – подал голос Водитель, на которого обернулся удивленный Иван Николаевич и укоряющая Надя. Вика приподняла бровь.

– Да ладно, Виктория, не дура же вы в конце концов, – разоткровенничался Водитель. – Нам нужно обязательно сделать дело, оно не терпит отлагательств. С территории мы можем выйти только с результатом, иначе... – Водитель обвел всех строгим взглядом, – необходимые распоряжения отданы, никого не выпустят без результата.

– Боюсь спросить, о каком результате идет речь, – ответила Вика.

– Об этом позже. Можем ли мы оставить рядового в самолете отлежаться?

– Нет, в этом случае лучше сделать крюк через Бабу Ягу, она может помочь.

Только Рыжий и Виталий, судя по реакции, не слышали про этого персонажа в контексте Земель. Остальные же давно знали эту пожилую женщину, оставшуюся после Разгрома жить в своем доме. Она слыла ведьмой, собирала жухлую травку, что-то мутила из листочков, трупиков мошкары и прочих насекомых. К ней навевались проводники, бывало, подлечивала, а бывало наоборот – помогала начавшимся негативным процессам завершиться быстрее.

Но сначала надо было зарулить на самолет. Он был уже недалеко. Виталий наскоро залатал бинтами Брюнета, который не на шутку испугался и бесконечно ворчал, и все поторопились к местной харчевне.

Зрелище, конечно, было впечатляющее: среди молодых деревьев и частых кустов, пробившихся через асфальтовое покрытие, красовался, насколько это было возможно с облезшей краской фюзеляжа, самолет. Он лежал на пузе, крылья были опущены и упирались в землю, у входа закреплен трап. Недалеко стояла пристройка типа сарая с пятью дверьми – туалет. Да, в плане организации удобств в Землях было лучше, чем в доразгромной России...

Группа забралась по трапу и вошла внутрь. За барной стойкой сидел хозяин – седой мужчина лет 50, с черной повязкой на левом глазу, в тельняшке. Глаз он потерял при странных обстоятельствах (других в Землях и не бывает) и довольно быстро получил прозвище Пират. Даже попугая себе где-то отловил и держал в клетке. Именно сейчас он с ним и разговаривал.

Глядя на эту картину, Вика вспоминала «Остров сокровищ», любимый мультфильм. Сейчас Пират к ним повернется и начнет что-то говорить, а на отбрасываемой им тени на стене в районе рта будет зиять просвет.

Где он потерял глаз? Кто-то из проводников рассказывал ей, не вспомнит сейчас. Рядом со стоном плюхнулся на сиденье у столика Брюнет. Вика глянула на него, и в голове придумалась эпитафия для надгробного камня на его могиле: «Зацарапан до смерти». Мда...

Мужчины расселись за столики, Надя стояла рядом с Викой, Вика терпеливо ждала, пока Пират обратит на них внимание.

«Посетители!» – четко и громко проорал попугай.

Пират довольно улыбнулся, показал на попугая вошедшим и кивнул.

– Что с ним? – прохрипел он, указывая на бледного Брюнета и набивая в трубку табака.

– Бандитская пуля, – ответила Вика фразой, принятой в Землях в качестве вежливого ответа в случаях, когда собеседник не желает вдаваться в подробности.

Пират закурил и картинно выпустил несколько ровных колечек дыма.

«Рисуется, – подумала Вика, – что с людьми делает собственный бизнес. Ведь это просто маркетинг».

– Нам нужно спиртное, литра три, – обозначила она свою нужду.

– Пятьсот рублей.

– Пятьсот? – Надежда очень удивилась.

– А ты что хотела, девочка моя? – Пират смерил ее взглядом, затянулся. – Если хочешь, можешь выбить скидочку для своих. Скажем, процентов 50%, а займет времени минут 10.

Надя хохотнула, пробурчала себе под нос что-то вроде «старый хрен», хотя они с Пиратом наверняка были ровесниками, и полезла в карман за деньгами. Пират с довольной улыбкой выпустил колечко дыма в сторону Надежды и подмигнул Вике. Вика из вежливости улыбнулась и отвернулась от стойки. В салоне было установлено 6 столиков. Наверное, это бывший бизнес-класс. Проход в следующий отсек зашторен плотной тканью. Вика прошла мимо столиков к проходу, взялась за штору, намереваясь заглянуть за нее, но тут же рядом возник Пират.

– И что ты там хочешь отыскать, милая девушка?

Вика вздрогнула от неожиданности, настолько быстро и незаметно для нее он подкрался.

– А есть что скрывать? – шепотом спросила она, хотя ссориться с единственным в округе поставщиком продуктов и алкоголя было явно лишним.

Вика успела удивиться сама себе – что-то там Пират прятал, но только ли любопытство ей движет или что-то угрожает ее безопасности?

– Ничего, – ответил Пират, – просто зачем тебе лезть в эту пыль? Туда редко кто заглядывает, а ты вон какая чистенькая вся.

Кольнуло в левой руке. Ощутимо так. А ведь Вика даже не задала мысленный вопрос. Хотя тут надо быть полным дураком, чтобы не понимать, что Пират врет. Но пока есть контакт, можно спросить еще что-то.

– Что там? – любопытствовала Вика.

– Спальные места. Для отдыхающих.

Это было правдой.

– И много нынче отдыхающих?

Пират приобнял Викторю, разворачивая ее в противоположную сторону от прохода. Вика заметила на ближайшем столе крошки. Кто-то трапезничал и второпях смылся? И этот кто-то наверняка сейчас там, всех их видит. Кто?

– А кто к тебе заходит кроме проводников, Пират? – спросила Вика, не дожидаясь ответа на предыдущий вопрос, понимая, что терпение хозяина заведения не безгранично.

– Кому еще заходить кроме проводников, да тех, кого они сопровождают?

– Черные бывают? – напирала Вика.

Остальные прислушивались внимательно. Только Надя гремела бутылками, которые складывала в рюкзак Брюнета.

– Да какие черные, типун тебе! – деланно возмутился Пират, а Вике нужен был ответ, и она устала на Пирата.

– Никаких черных, я же бывший военный. Мне честь не позволит.

Так пронзительно сказал, так излишне эмоционально отрекся, у Вики от боли свело левое бедро – нога дернулась, через пару секунд отпустило. Для Вики было очевидно – за шторкой черные, Пират что-то с ними мутит, и черным не зачем знать, куда они идут. А, может, это те самые, что участвовали в потасовке, о которой она узнала на кордоне? Что-то заваривается тут, и Вике совсем не интересно участвовать в разборках между военными и черными.

Пират прохромал на свое место за стойкой, вернулся к трубке.

«Черррные! Черррные!» – гаркнул попугай.

– Вот глупая птица, – оправдался за питомца Пират, – Ну а ты, любопытная моя, далеко ли путь держишь?

– К западному кордону идем, – поторопилась ответить Вика и обвела всех взглядом, а потом сделала вид, что взболтнула лишнего и хочет перевести тему. – А какие консервы есть у тебя?

– Да вот же, все на полочке представлено, – Пират облокотился на стойку, ожидая заказа. На полке стояли баночки консервированной кукурузы, фасоли, тушенки. Вика увидела давно забытые этикетки доразгромных продуктов.

– Тухлятинка пятилетней давности? – поинтересовался подошедший Рыжий.

– Да че им будет? Еще десять Разгромов переживут, – отозвался Пират.

– Нам пора, – констатировала Виктория и кивнула всем.

Брюнет был очень бледен, на повязках проступили ярко-красные пятна. Виталий пребывал в сильном смятении.

– Ну как, как, Виктория, – шептал он ей, поглаживая свою макушку, – но обычный же кот?

– Как, как? – передразнила Вика, – перекаати-поле тоже обычное.

Виталий покачал головой и пошел к выходу. Вика, облокотившись на стойку, провожала взглядом всех членов группы, покидающих заведение, – Виталий вышел первым, за ним Надежда, Водитель помог подняться Брюнету и, поддерживая его, покинул салон. Иван Николаевич коротко крикнул, бросил задумчивый взгляд в сторону плотной шторы, потом глянул на Сержанта и последовал вслед за Водителем. Сержант сделал Виктории приглашающий жест рукой.

– Сначала дамы.

– Как много дам у нас в группе, – пробурчала Вика и, попрощавшись с Пиратом, выбралась на улицу. Но зацепилась карманом жакета за торчащую сбоку проволоку, задержалась, чтобы аккуратно, не испортив одежду, избавиться от нее. Слух уловил ор попугая «Черррные!».

Вика напряглась, быстро спрыгнула к стоявшим неподалеку товарищам, склонившимся над Брюнетом, который, видимо, сильно ослаб, поэтому сидел на земле. Вика присела за кустом якобы подтянуть шнурки на ботинках, готовая отступить дальше в случае необходимости. Она была уверена, что как только вышла из бара, показались черные, на них и среагировал репликой попугай. И, возможно, Сержант уже убит, ведь его уже долго нет, а он собирался выйти прямо за ней.

Но дверь открылась, и Сержант с довольной улыбкой спустился по трапу, подбрасывая в воздухе баночку тушенки.

– С меня – ужин! – крикнул он. – Не удержался, – объяснил подошедшей ближе к остальным Виктории свою задержку.

– Задержался, потому что решил приобрести баночку снеди? – уточнила она.

– Да, – ответил он. «Нет», – сказала тело. «Все понятно», – подумала Вика.

Надо было уходить, наверняка за ними наблюдали. Озадаченным выглядел только Виталий, заново перевязывающий Брюнета и ворчащий, что уже израсходован почти весь запас бинта, никто не рассчитывал на такой поворот. Обеспокоенным казался Иван Николаевич. Ничем не «отсвечивающий», он, видимо, о чем-то всерьез задумался, бросая взгляды то на Сержанта, то на Надежду.

Вика склонилась над Брюнетом, осмотрела раны поближе.

– Отойдите все, примите профилактику, – велела она.

Оставшись одна над Брюнетом, состояние которого ухудшалось очень быстро, она размяла хорошенько пальцы, положила ладони на открытый участок тела в области живота и замерла, закрыв глаза.

Брюнет сквозь полуприкрытые веки наблюдал за Викторией, но было непонятно, анализирует ли он происходящее либо уже ни черта не соображает. Вика не любила, когда за ее работой наблюдают. Одно дело, когда применять свои приемы в схватке, случающиеся слава богу не часто, защищая свое здоровье, свою жизнь, тут уж не попросишь противника отвернуться. Другое – когда массаж либо врачевание. Сколько раз ее просили продемонстрировать технику, не любила, охраняла свои знания, даже, можно сказать, жадничала. Но и Ли, бывало, говорил ей, что обучать кого-то – не ее, она – практик. Всякий раз, когда Вика вспоминала про Ли, к ней как будто поступала свежая энергия. Вот же удивительный человек, оставивший неизгладимый след в ее жизни. В который раз она послала ему мысленно теплую благодарность за все и сосредоточилась на Брюнете. Главное – не думать сейчас о своих антипатиях, перед тобой тело, физически проявленный в этом мире инструмент, который оказался поврежденным. Нужно остановить кровь и замедлить клеточные процессы, но так, чтобы передвигаться Брюнет мог самостоятельно, сил быстро не терял, но чтобы и зараза не прогрессировала. По хорошему, суток трое у них есть, и Баб'Яга может помочь. Но до нее еще нужно добраться, а в этот раз все подозрительно идет не по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.